

18+

ДЖЕЙМС КРИТТ

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

СТИХИ И РАССКАЗЫ

Джеймс Критт
Добрые люди.
Стихи и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63619592
ISBN 9785005302427*

Аннотация

В этот сборник вошли стихотворения и рассказы, написанные в период с 2013 по 2020 год. Все они объединены только одним элементом с невероятным количеством лиц – человеком. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Стихи	7
«Я вчера похоронил надежды...»	7
Море сна	8
Фанфары во имя лжи	10
Остановите землю	13
«Я нарисовал тебя в воображении...»	15
Наедине	17
Начала	18
В твоих глазах отражается небо	20
Устало сердце	22
«Верните мне способности писать...»	24
Дестроя	26
Ошибка	29
«Мечтай о чём-то светлом...»	31
Баллада о музе	33
В мирное время	35
Добрые люди	37
«Я заперт в клетке долговечной...»	39
Blackbird	42
«Похороните меня за плинтусом...»	43
Не говорили	45
Ода одиночеству	47
Девятые лунные сутки	49

Сдаёшься?	51
Падаю	55
Штурмуя небеса	57
«Давно ли ты глаза свои...»	59
Странный вопрос	60
Умные люди	62
«Наверное, я слишком многого хочу...»	64
Облака Юпитера	66
Читательские муки	68
Твоя любовь	70
Особенные люди	72
Когда-нибудь	74
«Мы столько лет вражду ведём ...»	76
Выжженная долина	78
Без полумер	80
Хотелось бы	82
А стоило оно того?	84
Монолог	86
Спячка	88
«И снова на грани войны...»	90
Изнутри	92
Р***	94
«И что прикажешь делать с этой чехардой?..»	96
«Потасканные временем сердца...»	98
«Как можно любить...»	99
«Умело масками играю...»	101

Дом	102
Ответ	104
«Всё закончится когда-нибудь...»	105
Дойду	106
За асфальтом	107
Туше	109
«Я столько нервов вымотал зазря...»	111
Рассказы	112
Осознание	112
Когда в окно залетают снежинки	116
Самоубийца	119
Звёзды	124
Цветы	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Добрые люди Стихи и рассказы

Джеймс Критт

© Джеймс Критт, 2020

ISBN 978-5-0053-0242-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

«Я вчера похоронил надежды...»

Я вчера похоронил надежды,
Белым флагом сшитые из слёз,
О том, что всякие невежды
Не разобьют больше драгоценных грёз.

Я похоронил за плитусом улыбку,
Ту самую, любимую, настоящую,
Что часто называют ошибкой
И за которой смех такой звучащий.

И сердце, вырванное, рядом с растоптанной душой
Которую терзали долгими годами,
Присыпал аккуратно землёй
И могилу засадил цветами.

Я думал, отпевание боль забрало,
Но знаешь... легче ни на йоту не стало.

Море сна

Я сяду на уступе веры крепкой
И ноги свешу в море сна.
Плакучая ива тяжёлой веткой
Закроет меня от злого дождя.

Кругами от капель расходятся мысли,
Цвета разбегаются в разные стороны,
Тяжёлые мрачные тучи над морем повисли,
И мечутся меж едких капель чёрные вороны.

Сожженные мнения дымятся вдали,
Как новые горы из неизвестной породы.
О жестокости помнят трупы любви
И о том, что здесь невозможны другие исходы.

На небе годами солнца не видели,
И луны не было, и звёзды исчезли
С тех пор, как сами же их обидели
Безмозглые земные властители.

Я молился богам и истратил все силы.
Напрасно. Они глухи даже больше людей.
Лишь молнии в ответ зигзагами искрились,
Мол: «Отвяжись, наглец! Прохиндей!»

Наверное, заняты очередной войной
Да так, что до мира нет никакого дела.
Я каждый раз ни с чем возвращался домой,
А гроза всё над городом гремела.

Море бушует, сны разбиваются.
Капли воду мутят, мысли путают.
Ему эти танцы на воде не нравится,
И волна поднимается жуткая.

Чужая вера уже вполне окрепла,
Вот только улыбок она лишена.
Когда вновь зажгутся горы пепла,
Я стану молить о покое для сна.

Фанфары во имя лжи

Я кричу, но будто бы никто не слышит
Этих воплей. И прошу ведь даже не о помощи.
Вот он идёт в облаке дыма и ядом дышит.
Вот дама за столиком кушает в отраве овощи.

Прошу: «Откройте же глаза! Вы травитесь!
Смотрите!» Но глашатаи рядом всё сильнее
Вопят: «О прелесть, этот дивный дым! Поторопитесь
Может не хватить.» И люди ловят кайф от их речей

«Парень, оглянись!» – отчаянно.
«Закрой глаза, ведь это много проще...» —
Настырный шёпот в уши. Растерянно
Смотрю на грязные улицы, чистую площадь.

На ней обычно говорят: «Мы наведём
Порядок в городе. Смотрите – чистота кругом!»
А за трибуной те же голоса: «Давайте-ка нальём.
Пусть пьют. Нам жалко?» тряся жирным кошельком.

«Эй! Вы же как на скотобойне!
И звери здесь имеют человеческие лица!»
Вот только... им всего спокойней
До визга пороссячьего напиться.

Я задаюсь вопросом: «Может это маски?
Не лица вовсе? И пошло только их снимает?»
Я говорю, а они пускаются в пьяные пляски.
И дети это за чистую монету принимают.

«Вы обезумели? Все спятили? Люди!»
«Выпивать – нормально», и культуру питья
На каждом столбе... «За пьянство не судят.»
Не судят. А жаль. Сколько этого дерьма?

«Они хотят учиться? Зачем им учиться?
Запускайте туповатый сериал. Смотрите.
Больше не хотят.» Проще будет поглумиться.
И умных книг по дешёвке на полках не ищите.

«За ум нужно платить. Да и зачем им ум?
Избавьте их от этого. Заставьте всё порнухой.
Это избавит их от ненужных дум.
И залить всё сверху медовухой!»

Лишить каждого личности, и управлять
Станет проще. Загнать, как стадо, и диктовать
условия,
Которые непременно нужно соблюдать.
А если нет, то обвинить в ужасном сквернословии.

Обезличенное стадо затопчет нарушителя
И будет наслаждаться ложью, в воздухе витающей
На руках качать бессмысленного победителя

В бессмысленной войне уничтожающей.

Вот подождите. Узнают о моих выходках,
Посадят на той площади. «Покрепче привязать!»
Будут кричать и заставят выхаркать
Вместе с кровью всё то, что вам хотел сказать.

Остановите землю

Остановите землю, я сойду.
Ну не могу терпеть я этой боли!
Здесь, в это черством мире, как в аду.
И нет разницы что в клетке, что на воле.

Нет места жизни полноценной там,
Где не найдут согласия законы,
Где не растут сердца и ходят по домам
С понурым видом зомби, все бессонны.

И не найти вам почвы без проростков лжи —
Здесь все давно забыли про пшеницу,
Дети с малых лет обучены бросать ножи
И над павшими в бою глумиться.

Вооружены все до зубов и главное оружие – слово
И ранить, и убить, и воскресить, и на ноги поставить,
Но целительство здесь, честно, развито хреново,
Им проще раненых без помощи оставить.

Есть молодцы, ходящие по краю боли со слезами,
Они спасают даже самых безнадёжных и больных
В глазах их видят старцев временами,
Ведь работают они без перерывов, выходных.

Маленький комочек шерсти тоже хочет жить,
Любить и теплотой семейной обогреться,
Приходится за людьми хвостом везде ходить,
Но вместо теплоты со всех сторон смеются.

И эти мерзкие людишки мнят себя богами!
Какой позор! Позор на всю планету!
Вы топчете и души, и сердца ногами,
Меняете вы чувства на монету.

Мне стало страшно людям доверять,
Что за глазами делается их – не знаю,
Ведь все привыкли видеть, хотеть, брать,
А я любить наполовину не умею...

«Я нарисовал тебя в воображении...»

Я нарисовал тебя в воображении,
Придал тебе реальные черты.
Я молился тебе и просил прощения
За то, что в мыслях мелькаешь ты.

Я закрывался в комнате часто,
Устав от общественного мира.
Ты вынимал наушник и говорил: «Всё. Баста!
Это всего лишь пародия, сатира.»

Я бился в истерике отчаянно,
Когда иссякали силы мои и терпение,
А ты... ты заглядывал в окно открытое,
Протягивал руку и спасал от наваждения.

Это ведь ты вытащил меня на крышу,
Ты показал мне звёздное небо.
Тогда и шелест деревьев едва был слышен,
Тогда всё казалось простым и нелепым.

Ты слишком живой, чтобы быть просто словом.
Кладёшь руки мне на плечи,
И в моём мозгу появляется заголовок.
И вдохновишь, и излечишь...

Они хотят вернуть меня на землю с неба,
Ведь так я выбиваюсь из общей схемы.
Реальность требует правды? Так вот она:
Я разбит и брошен всеми.

Всё, что у меня есть – ты – моя муза,
И этого лишить хотят.
Но ты ставишь на повтор старые блюзы
И шепчешь: «Силёнок не хватит у ребят.»

Наедине

По каменным ступеням, не смотря назад,
Подняться к подножию рухнувшего храма.
Упасть на колени, где некогда цвёл сад,
А теперь земля исполосована шрамами.

Поднять глаза на небо тёмное, звёздное.
Глубоко вдохнуть запах раненых трав.
Призрачную мантру услышать в тишине грозной
И принять одновременно множество правд.

Думать долго о запретах прошлого.
Видеть клочок земли, истоптанный ногами.
Искать помощи пальцами судорожно.
Знать, сколько здесь было брошенных богами.

Держать слёзы неба в грязной ладони.
Дышать тяжело, с болью бороться.
Найти место, где был мир похоронен
И, наконец разрыдавшись, сдаться.

Начала

Во мне два всё борются начала:
Одно велит, закончив все дела, поспать,
Другое жалит пальцы, словно жало,
И говорит мне что-нибудь писать.

От одного смыкаются глаза,
И ворох мыслей покидает голову,
А от другого гром, тучи и гроза,
Когда я схожу с пути в сторону.

Одно всё время хочет отдохнуть.
Не где-то на природе, а лечь в постель,
Задвинуть плотно шторы и заснуть.
И не открывать глаза, пока нормально спится.

Другое рвёт на части изнутри, огнём горит,
Кричит, вопит, когда его не замечают,
Но в тишине огней свечных творит,
А после ненадолго засыпает.

То, что горит – душа, что постоянно спит – то тело
И не найдут они согласия никогда.
Передо мной стоит вопрос: «Что делать?
Сесть писать? Или не выползать из своего гнезда?»

На муки тягостные я был с рожденья обречён —
Днём быть бессонным зомби с красными глазами,
А ночью писать под свечным огнём
То, что другие не могут выразить словами.

Что за чудак соединил два полюса одним порочным
кругом:
Им вместе – тесно, а порознь – не существуют друг
без друга?

В твоих глазах отражается небо

А ты знал, что в твоих глазах отражается небо?
Серое и холодное, как осенние камни.
И совершенно в этом нет ничего романтического.
Только холод, изморозь, грязь.

Я тебе покажу, как оно выглядит. Вот, смотри:
Поседевшие от усталости плывут облака,
Закрывая редкие проблески окоченевшего солнца;
И яркую синеву небесного полотна
Уже не увидеть ни мне, ни тебе.

Его затянула грязная плёнка какой-то нелепой обиды.
За что? На что? Нет смысла обижаться на мир —
Ему нет до тебя никакого дела, небо.
Оно моросит мелкими колкими каплями дождя,
Словно злится, но это оно от бессилия.

Временами его застилают грозовые тучи.
Как будто это что-то может исправить... Мир не увидит.
Он закроется от капель, спрячется в машине.
А когда нырнёт в им созданную коробку,
Включит неоновый свет.

И плевать он хотел на все твои выходки.
Он не заметит, как покроется льдом солнце за облаками,

Будет наслаждаться искусственной выпивкой
И гордиться своею находчивостью,
Ведь больше не нужно зависеть от неба!

Ведь это проще – ничего не понимать.
Зарыться в бумажках и не казать носа из коробки.
Когда сверкнёт молния, стирая остатки доброты, да так,
Что будет видно со всех материков, в каждом уголке
света,
Он не поймёт, подумав: «Какая странная аномалия...»

Знаешь, в твоих глазах отражается больше, чем просто
небо.
Оно не уместится в одном лишь коротком слове.
Не найдётся в лексиконе ничего для него подходящего,
Потому что ему нет места здесь.

Устало сердце

Устало сердце биться в этом теле
И каждый день мечтает отдохнуть,
Проникнуться теплом доверчиво и нежно...
Но ведь нельзя ему вздремнуть.

Оно устало от кипучей крови и от страстей
Бесчувственных, жестоких. От пламенных речей,
Что губы шепчут бойко, торопливо.
Молодые, им бы всё быстрее.

А о сердцах чужих подумать забывают —
Уносит ночь рассудок, сладостен туман.
И сердце ведь ведётся на пустые речи,
Не понимая, что всё это обман.

Оно устало быть посмешищем наивным,
Но что поделать? Оно наивно, в этом его суть.
И от объятий, целомудрия лишённых, надорвалось
Стучать по рёбрам, в горло, в грудь.

О, как ему обидно неслышным оставаться,
А ведь вопит и бьётся, с силой бьётся,
Пытается до нас простую истину донести:
Не всё на этом свете продаётся,

Не то на этом свете счастье есть.
У нас заткнуты уши, а в черепушке вата,
Не слушаем, не слышим, услышать не хотим
И ключ давно потерян, но ума – палата.

Тихо стучит себе, пока его не потревожат,
Заденут чем-нибудь, нарочно уколнут.
Зачем трепать больному сердцу нервы?
Но вместо жалости ещё и пальцем ткнут.

Кто-то снова томно что-то шепчет,
Ласкает сердца слух до помрачения рассудка,
И своё пламя обогреться подставляет.
Оно-то знает – это просто злая шутка,

Но шёпоту в последний раз поверит,
А после тихо скажет: – Хоть чуточку согрело...
И больше в этом теле биться не захочет —
Оно погибло, умерло, сторело.

«Верните мне способности писать...»

Верните мне способности писать.
Верните мне способность мыслить на бумаге,
Чтобы по жизни, спотыкаясь, снова встать,
Расправить плечи и зашагать по неизведанной дороге.

Верните мне способности писать,
Чтобы я смог снова жить и слепо верить,
Что никогда мне не придётся лгать
И что любовь свою мне не придётся мерить.

Верните мне способности писать!
Вы отобрали у меня мой личный смысл жизни!
Я перестал недавно спать...
Вы отняли мои идеи, мысли...

Вы отняли мой мир...
Мой личный рай, до мелочей продуманный,
Вы превратили в сувенир,
Что по краям обугленный.

Верните мне способности писать!
Я вновь отстрою это чудо.
Не нужно ничего искать —
Всё есть внутри опустошённого сосуда.

Верните мне способности писать!
Верните мне способность мыслить на бумаге!
Без этого – лишь только умирать,
А пыль развеется по неизведанной дороге.

Дестроя

Есть такое место в этом мире,
Где постоянно рушатся мечты.
Где люди не хотят смотреть на вещи шире
И поджигают возведённые мосты.

Дестроя – так называли это место.
Все, кто там бывал хоть раз,
Ещё долго выражали негодующие протесты
И хоть один сочинили о Дестрое рассказ.

Там все изъяны разглядят под микроскопом,
Обсудят их и кости раздробят в песок.
Там в тупики ведут проложенные тропы,
А по газонам ходить запрещено.

Там во дворце сидит Его Величество Пустой,
Переобещал который всё, что только мог.
Он обещал создать гармонию весной,
Но получили граждане совсем другой итог.

Там грош цена сочувствию, участию,
И всех волнует только собственное «Я».
Там нет свободы мысли, что ещё ужаснее,
И даже знаний нет у бедных дестроян.

Я кое-что ещё скажу об этом месте,
Ты только дай мне слово об этом промолчать.
Если тебя об этом спросит неизвестный,
Ты отвечай, что нечего сказать.

Слушай внимательно, я перейду на шёпот.
В Дестрое всё же есть другой народ.
В зарослях они свои прокладывают тропы,
Протянут руку, если кто-то упадёт,

Помогут встать, подскажут, что не так.
Рядом с собой держать они не станут,
С ними и пойдёт не каждый здоровяк,
За собою никого они не тянут —

Каждый путь прокладывает сам.
Таким в Дестрое не найти приюта,
Они привыкли к свету в тёплых снах
И скидывать с себя всё время путы.

Не все они в том месте остаются,
Так рассыпятся, что не найти концов:
Одни за облаками вечного коснутся,
Другие на свободе превратятся в стариков.

А те, кто остаётся добровольно,
Планируют с основ Дестрою изменить.
Им плевать, насколько будет больно
И через что придётся вместе им пройти.

И ещё скажу тебе, но только по секрету:
Дестроя и свобода – не выжить этому дуэту,
Однажды кто-нибудь закончит глухую к мечтам эру.
И, знаешь, я в тот народ всё больше с каждым днём верю.

Ошибка

Папа, мама, я ваша ошибка.
Простите. Не такого хотели вы сына.
На моём лице фальшивая улыбка
И красные глаза, но вам не интересна причина.

Я по дороге в полной темноте иду.
Кто-то выбил на пути все лампочки.
Я потерялся и замёрз во льду
Ваших громких и колких фразочек.

Мам, почему папа сердитый такой
И так грозно смотрит на меня?
Пап, почему она не говорит со мной?
Пап, я снова плохо вёл себя?

А в ответ тишина и злоба в глазах.
Скажите, в чём я виноват?
Я не знал, что утону в слезах,
Не знал, что в неблагодарности обвинят.

Знаете, я сегодня экзамены сдал на «отлично».
Хотел, чтобы вы мной гордились.
Но, видно, я для гордости сомнительная личность,
Раз вы меня из дома выгнать грозились.

На моих губах – первый робкий поцелуй с улыбкой.
В мыслях – его руки на моих застыли.
Папа, мама, вы назвали меня ошибкой.
Простите. Не такого хотели вы сына.

«Мечтай о чём-то светлом...»

Мечтай о чём-то светлом,
Не говори, что опадёт листва
На росточке ещё ветхом.
Помни – это только лишь слова.

Ничто значенья не имеет,
Пока не станет значить что-то для тебя.
Богатый очень быстро обеднеет,
Если будет жить, других губя.

Когда померкнет солнце, думай,
Будто его закрыли облака,
А потом все звёзды до единой посчитай
И восхищайся тем, что жизнь так коротка.

Борись с собой и говори «Спасибо»,
Пусть в мыслях, но благодари сполна.
И на твоём пути растают ледяные глыбы,
А каменные – разлетятся кто куда.

Не злись, обиды не держи.
Оно того не стоит, уж поверь.
На грубость грубостью не отвечай, не мсти —
Потом не считаешь всех потерь.

Ты улыбайся чаще, пусть даже через силу.
«Всё хорошо» – почаще повторяй.
Нужно, чтобы сердце в этом радость находило.
Ты только негатива избегай.

Тогда легче будет грудь вздыматься,
Тогда легче будут делаться дела.
Ты перестанешь от боли задыхаться,
Ты увидишь, что душа ещё жива.

Баллада о музе

Она проснётся слишком поздно, на закате,
Она придёт тогда, когда совсем не ждёшь.
Она пронзит тебя и без заклятий
Лишит покоя. Ты больше не заснёшь.

Найти её немногим удаётся,
А некоторые ходят рядом каждый день.
Эта штучка ни за что не продаётся
И лишь изредка отбрасывает тень.

Кокетка тебе сегодня только улыбнётся,
Но никогда она не станет лишь твоей.
Кричи, быть может, отзовётся.
Если придёт – хватать не смей.

Наглости она терпеть не станет,
Вздрогнет растерянно и унесётся прочь.
И даже после сотен лет скитаний
Не найти следов. Только холод, ночь.

Если придёт к тебе и сядет тихо рядом,
Смотри в бездонные глаза, взгляд не отрывай.
Эта близость может оказаться ядом,
Но ты не бойся и в блаженстве утопай.

Не останется с тобой, к рассвету испарится,
Оставив от себя стихи и капли воска.
Ты будешь долго разбирать страницы,
Придавать словам ещё немного лоска.

Тебе захочется ещё, она – наркотик.
Кокетка усмехнётся, посмотрев издалека.
И ты, как в похабном анекдоте,
Поплетёшься вслед за ней, пародируя осла.

Она не даст тебе величия и славы,
Не даст она и денег ни гроша.
У этой дамы весьма крутые нравы,
Но, Боже, как она собою хороша!..

Явившись раз – лишит покоя навсегда
И заберёт с собою твоё сердце.
Она рушит и возводит города,
А ты – всего лишь странник, ещё одна страница.

Но вдохновения она даст – ты хоть залейся.
Правда, с условием возврата, на подарок не надейся.

В мирное время

Погибшие слова уже не скажут,
Их семьям – вечно у могилы стоять,
Как зачарованным стражам,
И слёзы на сырую землю ронять.

Это не о войне. Это о мирном времени,
Где не должно быть подобных потерь,
Где людям свобода была отдана,
Где, казалось, в каждом сердце открытая дверь.

Но спустя десятки лет ничего не меняется:
Люди продолжают искать странные поводы,
Чтобы уничтожить отличающихся,
Ставя себе в оправдание странные доводы.

Мы стремимся к правовым государствам,
Где каждый мог бы без страха жить,
А что в итоге у нас получается?
Мы слишком часто теряем эту важную нить.

Мы все помним Гитлера и его идеалы.
Кто скажет, что спустя столько лет изменилось?
Всё стало не таким очевидным и явным,
Но идеи как были, так во многих умах и остались.

Эти люди так же думают, что очищают землю.
Идеи приобрели другие формы, но в основе – ненависть.
Они думают, что превосходят тех самых, других,
И, говоря об их убийстве, испытывают гордость.

Что почувствует мать, когда из-за таких людей
потеряет сына?
Что скажет отец, когда из-за них лишится дочери?
Кто посмеет оправдать в их смерти повинных?
И кто у них следующий в этой кровавой очереди?

Кто дал им право казнить и миловать?
Кто взрастил в них столько ненависти?
Птицы шуршат на кладбище крыльями.
Может, когда-нибудь люди осмелятся...

Мы живём в мирное время,
Мы живём в цивилизованном мире...

13.06.2016

Добрые люди

Когда исчезнут эти долбаные ярлыки, стигматы,
Когда вы перестанете с дерьмом мешать других людей,
Тогда, быть может, мир и станет чуточку добрее,
А пока...

Тоните, суки, в сточных водах гнева.
Хлебните же сполна того, в чём топите других.
Загибайтесь буквой «зю» от дикой боли,
Хватайте воздух ртом напополам со стоном.

Пусть едкие слова застрянут в вашей глотке,
Пускай заменят их отчаянные слёзы,
Когда треснут и рассыпятся на осколки
Ваши сокровеннейшие грёзы.

Откройтесь самым близким, самым дорогим,
Которые возьмут от вас и отвернутся.
Ну? Каково быть «нетаким»?

Вам всё ещё смешно?
Ну что ж...

Я отбираю ваше счастье,
Пусть вас знакомые обходят стороной,
Своею сверхмогущественной властью

Лишаю вас конституционных благ. Отныне вы – не человек.

Никто не в силах исправить этот маленький дефект.

Я запрещаю вам о вас же говорить,
Я запрещаю вам и мысль такую допустить,
Что, может быть, у вас есть право слова.
Я буду вам вбивать в мозги,

Пока не закрепится: «Вы больны!
Таких, как вы, нужно лечить.
Или казнить. Вы не заслужили права жить!»
Я буду вас преследовать, гнобить и не давать покоя.

Я буду доводить вас до психоза и попыток суицида.
Я внушу народу, что избавить мир от вас – дело святое.
Вас задушат ваши же обиды,
И разорвёт на части, когда останетесь одни.

Но мы не в параллельном мире, правда?
Такие выблядки, как вы, других не слышат.
Таким, как вы, плевать, что от ваших действий
У кого-то может съехать крыша.

Вам плевать на наши жизни,
Вам на таких, как мы, плевать.
Вот только, когда и к вам придёт беда,
Нас это тоже не будет волновать.

«Я заперт в клетке долговечной...»

Я заперт в клетке долговечной,
Меня не вызволить никак,
И, повинуюсь жизни быстротечной,
Отмахиваюсь, мол, всё это пустяк.

За спиной моей – горы,
Под ногами – дорога,
А в глазах моих – море.
И не надо пути другого.

В волосах моих – ветер,
Рук касалась – листва.
Может, кто меня и встретит
Там, в конце моего сна.

Шум в ушах – стук дождя,
Надо мной – только небо,
А в душе тишина.
Даже птицам не надо хлеба.

Но поглядишь вокруг —
Только мрак и железные прутья.
Открыться посмеешь и вдруг...
Ты опять стоишь на распутье.

Вновь закрою глаза.
Я не здесь... Я не там...
Там, где я – стрекоза
Всё летает над полем.

Там, где я – там гроза
Дождь льёт тёплый и стройный.
Там, где я – там слеза
Никогда не текла по щекам добрых.

За спиной моей – крылья,
Под ногами – земля,
А в глазах моих – пепел...
Тяжело мне без сна.

В волосах моих – грязь,
Рук касался – бетон.
Может, стоит уйти, веселясь,
Туда, где всегда будет сон.

Шум в ушах – только кровь,
Надо мной – голоса.
Все осудят меня вновь
И бросят здесь угасать.

Мне останется память,
Я создал её сам,
И шептать в этих оковах:
«Я не здесь... Я не там...»

За спиной моей – горе,
Под ногами – мой век,
А в глазах моих – боль
О том, что так жесток человек.

Blackbird

Чёрная птица поёт вдалеке.
Её клёкот пронзает ночную тишь.
Ты сжимаешь кулаки,
Сидишь у окна, слушаешь её и опять не спишь.

Чёрная птица летит в небеса.
Её павшие перья обращаются в пыль.
Тяжело летать,
Когда встречный ветер, и у тебя сломаны крылья.

Снег как природный щит.
В темноте на клюве не видно льдин.
Но она летит,
И ты бери с неё пример – поднимись и лети.

Чёрная птица поёт в тишине.
Мало кто слышал её отчаянный крик.
И глубоко в душе
Надолго оставил свой след этот горький миг.

«Похороните меня за плинтусом...»

Похороните меня за плинтусом
В пыли неясных фраз и обыденности,
И чтобы каждый мимо проходящий
Останавливался против мёртвым сном спящего.
Похороните меня за плинтусом

Под толстым слоем паутин и избитости,
Чтобы я не слышал обвиняющих возгласов
И канул в Лету через мост недалёкости.
Забудьте о моём существовании,

Как если б меня и не было в сущности и частности.
Проходящий мимо против остановится,
Не зная зачем и почему.
Быть может, нездоровится.

Вздохнёт, уйдёт и больше не воротится,
Не разобравшись, зачем вообще останавливался.
А я стёрт из памяти и общества,
Забыт, оставлен, но мне назад и не хочется.

Здесь пыльно, грязно и нет уборщицы,
Да и не жду я в гости чудотворицы.
Мне здесь и так спокойно дышится.
Я рад, что объясняться больше не приходится.

Не говорили

Они не говорили мне, что любят,
Не говорили: «Я горжусь тобой!»
И мне казалось, что, скорей, осудят
Они выбор мой любой.

Меня не обнимали на ночь крепко,
И со школы у накрытого стола меня не ждали.
Каждая ошибка разбивала меня в щепки,
И собирать себя с нуля они не помогали.

Они не говорили мне, что доверяют,
А на удаче мне никто не говорил: «Ты молодец.»
Мне казалось, что о победах просто забывают.
И иногда в лицо мне говорили, что я лжец.

Когда я говорил им о своём, о личном,
Они меня совсем не понимали.
Мне говорили только, что я что-то должен,
А на мои желания плевали.

И мы друг другу много причинили боли,
И много яда расплескали мимоходом.
Они воспитать смогли большую силу воли,
Но не смогли понять чужой природы.

Между нами было много ссор, ошибок.
Я помню почти каждую из них,
Но мама, папа... я хочу сказать «Спасибо».
Вы с надеждой давали мне путёвку в жизнь.

Пусть где-то вы помочь мне не смогли,
Я знаю, вы отдали даже больше, чем могли.

Ода одиночеству

На улице шумно, дождь за окном.
Апрель по лужам шлёпает ногами —
Этот звук моим ушам уже давно знаком,
Меня он мучает бессонными ночами.

В квартире темно, на столе – кружка с чаем,
Разбросаны по полу тетрадные листы.
За столом с карандашом в руке я засыпаю,
На стенах провожая взглядом отблески души.

Стрелки за двенадцать, на кухне только кот.
Его шаги разносятся в пустой квартире,
Как будто к столу кто-то тихо идёт.
Но там никого нет. Как и во всём огромном мире.

Вокруг бушуют жизни краски,
Искрятся там и тут влюблённые глаза.
А мне не верится в эти старые сказки,
В моих глазах – над городом гроза.

Внутри меня какая-то частица
Умирает, останавливая бег.
Ведь не может же так сложиться,
Чтоб в одиночестве сгорал человек.

Может, завтра мы столкнёмся в переулке
И уже не сможем разойтись.
Не нужны будут банальные придумки,
Чтобы позже нам снова найтись.

Дождь закончится быстро, исчезнут и тучи,
Частица продолжит свой прерванный бег,
На город спустится туман пахучий
И не рассеется оставшийся весь век.

На столе окажутся две кружки,
В них клубами остывает чай.
В квартире разольются солнечные струйки,
И ветками сирени коснётся руки май.

Девятые лунные сутки

Сегодня девятые лунные сутки.
Земля орошается кровью.
Станут видны нам дурные поступки,
Демоны все наши тайны раскроют.

С деревьев ветер срывает листву,
Мечется в тёмном небе гроза.
Не отбрасывая тень свою,
По улицам тихим идёт Сатана.

Каждый услышит голос его,
Каждого тень коснётся.
Не оставит сегодня он никого —
У каждого мир пошатнётся.

Куда не посмотрит взглядом своим,
Там разгорается ссора.
Приказ отдаёт своим часовым:
Во мрак погружается город.

Ступает неслышно, незрим его плащ,
В глазах полыхают пожары.
Позади идёт бедалага пропащий
И пишет за ним мемуары.

Шептались о нём, мол, он – невидимка,
Боязливо зеркал избегали,
А над ними кружилась тёмная дымка,
Надежда и вера в сердцах угасали.

Над городом мрак исчезнет к полудню,
Закончатся лунные сутки.
Где останется тень – догадаться не трудно,
На аллеях умрут незабудки.

Сдаёшься?

Я играю с Дьяволом в игру «Сдаёшься – Не сдаюсь».
Эта игра превратилась в войну, и победителем не выйти никому.

Тысячу лет бои ведём лицом к лицу,
Но так ни на йоту и не приблизились к заветному концу.

Когда его шаги услышу за спиною снова
И тучи повиснут над моей головой, значит, он явится уже скоро.

Значит, опять не смогу вымолвить ни слова,
Почувствую, что по рукам и ногам ржавыми цепями скован.

«Сегодня я пришёл лишить тебя друзей.
Мечтаю посмотреть, что же ты сделаешь, когда они исчезнут из жизни твоей!»
Вокруг так резко стало холодней,
Что я слегка опешил от таких новостей.

И зря я отвлёкся на эту уловку —
Всё это было для мощного удара чистой воды подготовкой.
Жёсткий кулак прошёлся по скуле ловко,
Но и он получил по заслугам – эти годы были отличной тренировкой.

«Сдаёшься?» – крикнет, закрывая рану
Для него, к несчастью, не смертельную.
В глазах меркнет, гаснет свет,
Но сплюнув кровь, отвечу: «Нет.»

Он исчезнет на время, потом вернётся опять.
И именно тогда, когда я немного расслаблюсь и перестану
его ждать,
Когда смогу ровно на ногах стоять.
Он вернётся, чтобы снова кого-нибудь отнять

«Сдавайся, Джей, отделаешься только малой кровью.
Идём со мной, и тебе больше не придётся мириться с этой
болью.»
В этом сне я даже не повёл бровью,
Уж я-то знаю: этот мерзавец напорется на свои же колья.

Я знаю, завтра он столкнёт меня с обрыва,
Чтобы я немного взбодрился после долгого перерыва.
Дьявол будет наверху стоять и плакать фальшиво,
Дескать, оступился, как несправедливо!

Он подождёт, пока я поднимусь с колен,
А после предложит мне небольшую помощь, но взамен
Я должен буду сдаться. И это обмен?
Он ведь не думает, что я добровольно пойду в этот плен?

Он явится уже через неделю.

Нападёт, как и обычно, без всяких предупреждений.
Его глаз уже на новую жертву нацелен,
Но обставит он всё так, будто я сам виноват, что родители
ко мне охладели.

Шепчет в ухо: «Пустяк!»

Чувствую нож под ребром, но стою столбом, как дурак.
«И если ты что-то сделал не так,
Прикройся тем, что на небесах тебе всё простят.»

Сбежав от него, оглянулся назад. За спиной и вокруг –
пустота.

В голове пронесётся: «Сам виноват.»

Он не заставлял меня братья за этот канат.

Он хотел, чтобы я, как и все, ушёл с ним в кровавый
закат.

Это было давно, и всех шрамов не счесть.

Кровь капает на землю – в этой жизни всего не учесть.

Я хотел было под дерево сесть,

Но бросился прочь, услышав знакомую песнь.

Он слышал меня, он знает, где я.

Одному не уйти. Когда-то мне крылья давали друзья.

В прошлый раз одолжила семья.

Но теперь их нет. Здесь остался только я.

В ушах стучит: «Ну и чего ты этим добьёшься?»

Затормозив, на краю своей же пропасти остановлюсь.

Нагнав меня и отдышавшись, Дьявол спросит: «Ты наконец сдаёшься?»»

Закрыв глаза, но так и не увидев крылья, тихо выдохну:
«Сдаюсь.»»

Падаю

Я падаю, падаю вниз
И обращаюсь безликой пылью.
На земле среди этих крыс
Я обломал свои белые крылья.

В меня бросают обломками когда-то пылавших,
Сейчас же остывших окаменевших сердец.
Они больше не верят, что я тот самый ангел, рыдавший
Над могилой, когда пал последний боец.
Они гонят меня, проклиная последними грязными
словами.
Не одну тысячу вёрст пролетел на крыльях и прошёл я
ногами.
И вот сейчас, в последний раз стоя на краю мироздания,
Я понял, что мне надоело за спиной глухое ворчание.

И я падаю, падаю вниз,
Обращаясь безликой забытой пылью.
На земле среди этих крыс
Я обломал свои белые крылья.

«Оступился, сорвался...» – трещали пустые гласа
новостителей.
Оступился? Сорвался?! Увольте. Не жертва я
несчастливого случая —

За мною в чёрных мантиях ходили глухие к воплям истребители.

Удар в спину поглотил гулкий шёпот ветров созвучием.
Чем ближе к земле, тем зловонней становится ветер.
Он сдирает с моих крыльев перья в очередном нелепом пируэте.
Невозможно больше бороться с его мощными порывами.
Кровь обнажает душу мою. Ну ничего. Нас учили быть терпеливыми.

И я падаю, падаю вниз,
Обращаясь безликой забытой пылью.

Я падаю, падаю вниз
И обращаюсь безликой пылью.
На земле среди этих крыс
Я обломал свои белые крылья.

И я падаю, падаю, падаю, падаю вниз
На землю к бродячим бездомным животным... Свист
Чёрного воздуха. Смерть кругом...
Не выжить здесь мне.

Штурмья небеса

Сколько будет ещё бессмысленных потерь?
Сколько тысяч литров бессмысленно пролитой крови
Если скажут, что так было нужно – не верь!
Разве этого для нас хотели Боги?

Нас не раз возвращали в санчасти назад,
Когда мы уже штурмом брали небеса.
И мы вновь возвращались в здешний Ад,
С трудом открывая покрасневшие глаза.

Отравленные ядом ненависти пули,
Затравленные взгляды самых маленьких детей.
Они лишь чудом навеки не заснули,
Поэтому и верят в могущество церквей.

Бог давно оставил эти сожженные земли,
Отвернулся больше не в силах смотреть,
Как быстро то, чему учил, забыли
И стали сеять творения его смерть.

Солдаты оставляют свои семьи,
Отправляясь в свой последний бой.
Они здесь и присяжные, и судьи...
Но приговор им вынесен судьбой.

Приказ был отдан. С этим не поспоришь.
Однако всё же ещё хочется дышать.
В дороге своих любимых не раз вспомнишь.
За них не жалко жизнь отдать.

У нас в распоряжении лишь только полчаса.
Потом останется всего перешагнуть границу.
И в этот раз штурмуя небеса,
Назад вернуться смогут единицы.

«Давно ли ты глаза свои...»

Давно ли ты глаза свои
Отнимал от того, что лежит под ногами?
Давно эгоистичные мечты
Затмили разум ложными огнями?

И сколько раз ты имя вспоминал,
Отнявшее когда-то покой и сон?
Когда в последний раз ты грудью полною дышал
И не был чем-то раздражён?

Ты помнишь хоть минуту,
Чтоб на твоём лице улыбка не скрывала злобу?
Чтоб твой маршрут
Стелился по полям, а не без конца сворачивал в чащобу?

Давно ли солнца
Лучи меняли цвет твоим глазам,
И незнакомцы
Не разрывали сердце пополам?

Ты помнишь,
Как ночь звёзды предаёт огню?
Ты помнишь?
Вот и я уже не помню.

Странный вопрос

Ты на меня посмотрела
И спросила, смахнув барбарисовый лист:
«А что ты будешь делать,
Если начнётся зомби-апокалипсис?»

И, вспомнив все старые фильмы
О ходячих живых мертвецах,
Я пошёл по дороге пыльной
И завёл свой длинный рассказ.

«Я выйду из дома на улицу,
Захвачу на бегу оружие,
Пока другие в панике беснуются.

Наберусь побольше мужества,
Чтоб пройти сквозь них незамеченным
И остаться целым, не укушенным.

Буду красться в руинах цивилизации,
Затаив дыханье для верности,
Пока город не подвергнут ликвидации
В попытке избавиться от этой мерзости.

Я выиграю в этой борьбе,
Чтобы прорваться к тебе.

Отыщу тебя под завалами,
Не думая о целесообразности.
И будем бежать меж вокзалами
Пока не окажемся в безопасности.»

Ты дорогою улыбалась мне,
А на прощанье коснулась щеки
И долго махала в окне,
Пока я не скрылся вдали.

У же ночью я вспомнил твой странный вопрос,
И меня охватил озноб.
Ведь если начнётся зомби-апокалипсис,
Я пушу себе пулю в лоб.

Умные люди

Мы все так любим критиками быть,
Что забываем о существовании зеркал,
И всё хотим в других хоть что-то изменить,
Но кто хоть раз в себе недостатки искал?

Каждый знает, как другому будет лучше,
И каждый всё несчастнее живёт:
Один в нравоченьях счастья не находит,
Другой – оттого, что этот жизни не даёт.

Мы быстро учимся дурному,
Рефлексию класть в долгий ящик под замок,
В жилетку плакаться другому,
Что этот мир на самом деле так жесток,

Рукой махаем, мол, решится как-нибудь само,
Когда в себе находим слабое звено.
В глазах давно огромное бельмо,
Но каждый знает, что другой живёт грешно.

Мосты мешаем строить мы друг другу
И не усваиваем сотни лет урок,
Поэтому мы снова будем от испуга
Прятать, словно страус, голову в песок.

И сколько бы ни строили дорог,
Они не приведут к единой цели,
Пока каждый будет находить предлог
И начинать со следующей недели.

«Наверное, я слишком многого хочу...»

Наверное, я слишком многого хочу:
Смотреть в твои глаза и видеть в отражении
То, о чём и сам давно молчу,
Потому что слова теряются в волненьи.

Касаться пальцами твоих волос
И слушать тихое ворчанье
О том, что я собою с них лоск,
Но знать, что тебе нравится такое внимание.

Пить кофе, сваренный тобой,
И чувствовать, как ты под столом
Гладишь меня ногой,
Как в груди что-то отдаёт теплом.

Дурачиться с тобой, играть в снежки,
Валяться утром допоздна в кровати,
А днём на шее прятать синяки,
Которые в порыве страсти ты оставишь...

Время бежит, не замедляясь ничуть,
Как сквозь пальцы песок.
Наверное, я слишком многого хочу,

Раз я тебя найти не смог.

Облака Юпитера

В облаках Юпитера
Густых, как карамель,
Мы на ощупь искали друг друга,
А в итоге сели на мель.

Протянуты руки в стороны
И широко раскрыты глаза,
Но натываемся на пустоты мы,
На щеке замерзает слеза.

Скафандры давно обесточены,
В них тепла не осталось совсем.
Наши смерти уже напророчили
Без сигналов от наших систем.

Нас оставили на Юпитере,
Словно бросили в реку котят.
В наших венах текут ингибиторы
И сердца уже изрядно болят.

Кислород на нуле. Господи.
Ничего, кроме тяжёлых клубов.
Нам бы только чуть больше времени
И пространство без облаков.

По данным моего КПК,
Ты рядом с глыбою льда,
Но сквозь чёртовы облака Юпитера,
Нам не увидеть друг друга.

Читательские муки

В каждом магазине сверкают стеллажи
Большими буквами и броскими словами.
Не сразу понимаешь, что полки полны лжи,
Бережно скрываемой листами.

На полках книги все пестрят обложкой,
И с аннотаций загораются глаза,
Но стоит лишь начать читать немножко,
Как исчезает вся фальшивая краса.

Иной же раз бывает, что находишь
То, что так давно искал,
А, вчитавшись, вдруг себя на мысли ловишь,
Что автор-то совсем не о тебе писал.

Хотя история красива и полна
Чудеснейших словесных сочетаний,
И логика на месте, мысль стройна...
Но ты герой других повествований.

Вокруг искатели всё рыщут,
Достойные листая книги на ходу,
Не думая, кто и что там пишет,
К моему безмерному стыду.

«Какой сюжет, какие повороты!» —
Кричат они, разглядывая тьму,
Но растрёпаны их переплёты,
А читатель на страницах видит пустоту.

И как же в этом омуте беды
Историю о счастье мне найти?

Твоя любовь

Твоя любовь на самом деле земля,
Похоронит под собой напыщенного короля,
А мне не даст пойти ко дну,
Но сейчас я в океане тону.

Она одна способна исцелить,
Мне бы только до неё доплыть.

Твоя любовь на самом деле вода,
Волной снесёт строптивного юнца,
А меня к тихой гавани вернёт однажды,
Но сейчас я умираю от жажды,

И солнце уже садится.
Мне бы только с пути не сбиться.

Твоя любовь на самом деле огонь.
Опалит чужую наглуую ладонь,
И меня согреет на ветрах,
Но сейчас я замерзаю в снегах.

Он светит мне где-то вдали.
Мне бы только туда пойти.

Твоя любовь на самом деле воздух,

Все возгласы утопит в грозах,
И меня сделает свободным,
Но сейчас я в вакууме полном.

Нужно лишь немного подождать,
Главное – сознание не терять.

Особенные люди

Есть на этом свете особенные люди —
Они светятся как светлячки.
Это выглядит как маленькое чудо,
Ведь свет у них исходит изнутри.

Они встречаются сейчас так редко...
Кажется, всё время ты бредёшь во тьме,
Пока не врежешься в стальные прутья клетки
И не поймёшь, что ты в тюрьме.

Но если вдруг тебе так повезёт,
Что рядом, будто солнце, вспыхнет свет,
Ты громко не кричи, а то уйдёт,
Не успев в душе оставить след.

Светлячка в объятьях не души
И не пытайся в банку посадить.
В слова не добавляй приправой лжи
И не спеши о нём судить.

Ты дай ему привыкнуть, распусться
Приятными лучами, как цветок.
И ты увидишь, он начнёт светиться
Словно солнце, озарившее Восток.

Он не исчезнет, если на секунду отвернуться,
И слишком далеко не улетит.
Со временем позволит к свету прикоснуться,
Если ты его не будешь торопить.

И если вдруг ты забредёшь куда-то,
Если так случится, ты окажешься во тьме,
Остановить, чтобы немного отдышаться,
И ты увидишь – он свет зажёт в тебе.

Когда-нибудь

Когда-нибудь ты, стоя на краю, увидишь свет,
Мерцающий на дальнем берегу обрыва.
Ты искал его долго, десятками лет,
И почти дошёл до нервного срыва.

Сквозь мглу проступит шаткий мост,
Готовый рухнуть под тобой в любой момент.
Но выбор здесь довольно прост:
Остаться или быть частью легенд.

Когда-нибудь ты всё-таки дойдёшь в назначенное место,
Уставшим путником с источником ты рядом рухнешь
на колени
И будешь радоваться, как крестьянин манифесту,
Что он даровал тебе выход из тени.

Его лучи коснутся обожжённой кожи,
По кровоточащим царапинам пройдутся.
Они волшебны и так странно непохожи
На прошлые касания безумцев.

Когда-нибудь к тебе вернуться силы,
От ран останутся одни воспоминанья.
Ты словно бы восстанешь из могилы,
И прекратятся все твои страданья.

Эти мысли давно тебе во снах являлись,
Но ты боялся им внимать,
Боялся верить, что кто-то будет так реально
Тебя лучами света обнимать.

«Мы столько лет вражду ведём ...»

Мы столько лет вражду ведём —
Меня пытаешь сломить,
Чтоб стать моим вождём,
И суть меня переменить.

Держать пытаешься в узде
И силы отнимать,
Хочешь закопать меня в нужде
И заставить замолчать.

Беседы страстные ведёшь,
Путаешь умы,
Говоришь, что мой «дебош»
Заслужил давно тюрьмы.

Можешь сколь угодно угрожать:
Тебе не справиться со мной.
Я буду методично разрушать
Порядок крепостной.

Не важно, сколько будет ран,
Тебе меня не изменить.
И храм священный я не дам
В грязи похоронить.

Приказам, чуждым естеству,
Я никогда не подчинюсь,
И смерти в облике твоём
Я не боюсь.

Выжженная долина

Внутри меня целое море боли,
Оно впадает в океан дурных снов,
От него исходят полноводные реки крови...
Крови с примесью едких слов.

Оно беспокойно. Эти блядские штормы
Швыряют капли по берегам.
Пугают прохожих раскатами грома —
Бросают дожди, как копыя, к ногам.

Стоит в реку бросить камушек,
Воды вспенятся как в Аду.
Не раз сюда звали продажных батюшек,
Читавших проповедь на ходу.

На дне упокоятся костями голыми,
Деревья станут могильной плитой,
Засверкает над водами яркое полымя
И отравит воздух кислотой.

Земля была выжжена с первым дождём,
На ней давно ничего не растёт.
Здесь любого сожрут живьём —
Адские твари бродят кругом.

Годами я не спускался туда,
На тропе висит паутина,
Солнце покрылось корочкой льда...
Довольно мрачная картина.

Там столько людей уже полегло,
Столкьо обугленных душ...
Скотская птица щебечет: «Пришло
Время отправиться в глушь.»

В это адское место я тебя не пушу,
Иначе исчезнешь навеки.
Чтоб туда не ходить, я годами не сплю,
Но мои закрываются веки...

Без полумер

Я не сторонник полумер —
Если мечты, то о вселенском чуде,
О радости в твоих глазах, например,
Когда первая улыбка нежность пробудит,
А прикосновение вспыхнет пламенем,
Пламенем на твоих бледных щеках.

Если встреча, то непременно памятная,
С волнением, пульсирующим в висках,
Юмором квантовым о законах физики,
Порождающим звонкий смех,
И напряжением, опасным для психики,
Но нужным для устранения помех.

Если в твой омут нырять,
То с головой и на самое дно,
Чтобы потом опять себе повторять:
«Это было не очень умно.»
И пытаться согреться на углях,
Замёрзнув в ледяющей воде.

Если блуждать, то в опаснейших джунглях,
Разросшихся в твоей душе,
Залечивать раны в спешке
И убегать от ужасных пантер,

А после этой нелепой пробежки
Очутиться в клетке, сулящей смерть.

Если влюбляться, то без оглядки
И мыслей об асфальте и высотках,
Без дурацких игр в догонялки и прятки
И обязательно с кофе и яблочной шарлоткой.
Я не сторонник полумер и тайности,
А ты не любишь крайностей.

Хотелось бы

Тебе хотелось хоть разочек в этой жизни
Исчезнуть, испариться, просто взять и не вернуться?
На бледнеющий холст красками брызнуть
И смотреть, как нити судьбы вьются?

Хотелось хоть раз выбросить телефон с ноутбуком,
Забуть адреса, пороли и явки?
Не шарохаться от каждого тихого стука
И перестать играть с ними в прятки?

Хотелось тебе часами без оглядки бежать
И не слышать их голоса?
Перестать один и тот же вопрос без конца задавать:
«А когда же уже всё наладится?»

Хотелось жить своей жизнью начать,
А не спрашивать на всё разрешения?
Хотелось посреди поля упасть и кричать?
Эй! А ну-ка не ври мне!

Мне было бы проще сменить номера,
Не звонить, не писать и не видеться,
От сердца всего пожелать им добра
И уехать до того, как на шею кинутся.

Так далеко, как могу, умчаться...
Хочу перестать ждать атак,
А главное – перестать бояться,
Что всё опять пойдёт не так.

Хочу просто жить и не оглядываться
На старые шрамы за моею спиной,
Хочу дышать полной грудью и радоваться,
Что я-таки выиграл свой последний бой.

А стоило оно того?

Когда-нибудь не станет ни дождя, ни солнца,
Погаснет свет во всех домах,
Ты заметишь – смех по улицам не льётся.
И листья на деревьях обратятся в прах.

Земля разверзнет пасть под тысячью ногами,
И небо рухнет пламенем в поля.
Ты будешь знать, что всё подстроено богами,
Но сделать ничего не сможешь, как всегда.

Тебя размажет ярким взрывом по асфальту,
И сверху пепел полетит на провода.
Кровь слегка заляпает твой новый галстук,
И сожгут твою кожу солнечные ветра.

Ты больше не вернёшься вечером домой,
Не щёлкнешь пультом, отмахнувшись от собаки,
Не пойдёшь охотиться весной
И на работе не раскинешь свои папки.

Утром не услышишь: «Здравствуй, дорогой...»
А спустившись в кухню: «Пап, привет!»
Ты погребён под кофейней городской,
В которой после ссор не раз встречал рассвет.

Ирония судьбы или как там говорят...
Но помнишь ли ты, сколько было ссор?
Сколько раз сменялся нежный взгляд
На заслуженный немой укор?

А когда в последний раз с детьми играл,
Интересовался, как у них дела?
А родителей когда ты навещал?
И ведь даже не пытался ликвидировать пробел.

Вот сейчас, смотря на всё со стороны,
Часы свои немного посчитай:
10 на работу, 2 на дорогу, 6 на сны —
Ты же не какой-то там лентяй.

И вроде бы осталось целых 6 часов,
Но ты потратил их на споры и терзанья,
Запирая двери сердца на засов
И предвкушая утреннее расставанье.

Ты платишь временем за все свои грехи
И каждую секунду волен сделать выбор:
Остаться или всё-таки уйти,
Орать проклятья или прошептать «спасибо».

Монолог

Сколько едких фраз, сколько нарушенных обещаний,
Сколько окриков было и неоправданных ожиданий.
Мы, как два оленя, сцепились с тобой рогами,
Не желая делиться друг с другом своими мирами.

С годами всё реже виделись, сильно отделились,
Друг от друга стенами отгородились,
Перестали обращать внимание на то, что важно,
И пытались делать вид, что нам не страшно.

Вместо дельных разговоров – одни лишь крики,
Угрозы и рыки. Как в клетке звери дикие...
В попытках понять друг друга все нервы измотали,
Потому что не готовы были и не принимали.

Мы не одно целое и никогда им не были,
Разными жизнями всегда с тобой жили,
Но мы похожи, как две капли воды,
Хоть у нас совершенно разные пути.

На обычные вещи совершенно разные взгляды,
И, кажется, никогда не найти нам сладу.
Как будто перетягиваем канат,
Только победе никто не будет рад.

Мы же себя как дети вели:
Сидя в одной лодке, в разные стороны гребли,
С мнением друг друга не считались,
Всё время на одном месте топтались,

Не слушали и слышать не хотели,
Договориться друг с другом не умели
И нечаянно разбивали друг другу мечты.
Я тебя простил. И ты меня прости.

Нашу крайнюю встречу не назовёшь приятной,
Да и разговор вышел не очень внятный.
Мы разошлись, от злости кипя.
Мы разочаровали друг друга.

Я свернул с протоптанной тропины,
Чтобы проложить свою дорогу в лощине,
И ты потерял самообладание —
Я не оправдал твои ожидания.

Прошу, не ставь на мне крест.
Ты ещё будешь гордиться мной... отец.

Спячка

Сколько можно зомбировать массы?
Сколько можно пророков душить?
Сколько можно делить нас на классы,
Чтобы позже друг с другом сравить?

Мы ведёмся охотно на бренды и бирки,
Забывая вчитаться в состав.
Не впихнуть всех в стандартные рамки копирки,
Не заткнуть поголовно уста.

Кто может услышать отчаянья крик?
Кто видит безмолвный протест,
Если даже дряхлый старик
Декларирует заученный текст?

Мы устали от войн пустых и жестоких,
Наши души сгорели дотла,
Наши мысли так далеки от глубоких...
Всё ждём, что вспыхнут сердца.

Но кто-то выходит из этой системы,
В стороне не в силах остаться.
Кто бунт поднимает, кто пишет поэмы,
Но никто не станет сдаваться.

Тех, кто очнулся от искусственной спячки,
Не вернёт даже самый искусный патруль.
Они будут кричать и в предсмертной горячке:
«Цветы лучше пуль! Цветы лучше пуль!..»

«И снова на грани войны...»

И снова на грани войны,
И снова трепещет земля,
Пробирается в вещие сны
Непроглядная алая мгла.

*«Мы на осколках вашей злобы взрастим цветы,
Мы на крови, пролитой вами, вырастим леса,
В обломках ваших крепостей мы разобьём сады
И ваши мины соберём по разным адресам.»*

Оружие к бою готово,
Палец застыл на курке.
Одно неверное слово —
И мир утонет в огне.

*«Мы будем жизнь хранить до следующей весны,
Пока луч солнца не растопит вечные снега.
Мы будем вырывать побеги из лап проклятой мерзлоты,
Пока не закончится ядерная зима.»*

На место прибудет отряд,
Замрёт, обнаружив живых.
По форме скользнёт строгий взгляд,
Будто касаясь души:

*«Мы по крупицам соберём разбитые мечты,
Мы вновь воздвигнем разорённый вами храм,
И после до сердец ваших упрямых и пустых
Ещё долго доноситься нашим голосам.»*

Изнутри

Бывает, боль не замечаешь,
Днём создаёшь другим посыл,
А ночью вместо сна рыдаешь
И просыпаешься без сил.

Поэтому просто возьми
То, что жрёт тебя изнутри,
И выкинь эту дрянь из головы —
Оно не стоит ни одной слезы.

Когда хочется кричать, молчишь —
Берёшь пример с других,
От разговора с собою бежишь,
Не слушаешь мысли свои.

А сейчас просто возьми
То, что выжигает тебя изнутри,
И адский огонь потуши —
Не время разжигать костры.

За дверью с десятью замками
Ты с детства прячешь свою злость
И столько лет молчишь о хламе,
Что колется, как в горле кость.

Поэтому просто возьми
То, что разрывает тебя изнутри,
И из памяти своей сотри,
Двери, наконец-то, отопри.

Р***

Время придёт, и я удалю тебя отовсюду,
Перестану ждать от тебя сообщений,
Выкину, как хлам, из мыслей скудных,
Задушу души к тебе рвение.

Безжалостно расставлю точки,
Где раньше стояли запятые и многоточия,
Не посвящу тебе больше ни строчки,
Избавлюсь от того, что так прочно

На подкорке моей запечаталось.
Например, твоё имя. Твой голос.
От всего, что меж нейронами спряталось
И что за место в моей голове боролось.

Время придёт, и я даже не вспомню,
Как глупо ждал тебя, словно Хатико,
Как прощал дни молчания сотнями,
Как старался не докучать и быть скромником.

Не вспомню и разговоров ночами бессонными,
Как просыпался с телефоном в руке,
Как даже вдохи становились синхронными...
Как не смогли встретиться, живя в одном городке.

Не вспомню, как стихи тебе писал,
И больше не буду их перечитывать.
Не вспомню, как злился и сгорал.
И больше никто не будет терпенье испытывать.

Когда придёт время, я отпущу и забуду,
Даю тебе слово. А до тех пор не стану мешать.
Обещаю, даже писать не буду
И во снах прекращу тебя звать.

Но мы оба знаем, что так не сложится —
Моя решимость обратно пропорциональна
возможностям.

«И что прикажешь делать с этой чехардой?..»

И что прикажешь делать с этой чехардой?
Как понимать твоё молчанье?
Мой разум затянуло пеленой
Сводящего с ума незнания.

Сначала злость меня хлестала по щекам,
Сжигала сердце чёрными слезами,
Взрывала мозг под стать подрывникам,
Душила чувства голыми руками

И ночью нарушала мой покой,
Бессонным ядом мне вскрывала вены,
Махала перед носом вырванной чекой
И разрушала каменные стены.

Мне виделось, что я горю в костре.
Мне думалось, что я сгорю дотла.
Мне выть хотелось при луне
И растерзать тебя со зла.

Ну а потом мне грусть в лицо плеснули из стакана,
Она меня топила в океане боли,
И лава, что грозилась выйти из вулкана,

Подчинилась только её воле.

Она застыла камнем и стеклом,
Причудливым, но страшным изваяньем,
Как будто ангельским крылом
Прикрылись бесы с дьявольским посланьем.

На полку памяти поставлю статуэтку,
С других таких же пыль смахну,
Навешанные срежу этикетки
И ночью, наконец, спокойненько засну.

«Потасканные временем сердца...»

Потасканные временем сердца,
Покрывшиеся пылью души...
С седыми волосами мудреца,
Но с мыслями, как в головах игрушек.

И жизнь свою прожили нехотя,
Вполуха слушали, вполглаза наблюдали.
Так, к своему концу придя,
На это свете ничего и не создали.

Трещины в висках,
Давненько обесцвечен взгляд,
Осколки сожаления в руках
Фантомным счастьем заболят.

Всё время некогда, всё время на потом,
Но время находили похоронить мечты.
Бежали, будто подгоняет кто хлыстом,
Обожествляя важность суеты.

И в зеркалах кривых отобразятся их ряды,
Главное – чтоб это были не твоего лица черты.

«Как можно любить...»

Как можно любить
И в равной же степени тебя ненавидеть?
Себя ненавидеть!?

Пытаться отойти, чтобы спастись,
И вместо блага находить погибель?
Держать себя на расстояньи не выходит,
Чёрт тебя дери!

Твои волны тащат глубже в море.
Вырвать тебя из сердца,
Из души моей проклятой
И сжечь тебя к чёртовой матери
Как салемиких ведьм...

За то, что чаруешь.
За то, что влюбляешь и не любишь.
За то, что губишь...

А исцелять не умеешь.
И все касания твои – боль,
От них бежать хочется прочь,
Но возвращаться... к глазам твоим.
Вновь. И вновь.

Прощать скандалы на пустом месте
И слова, ведущие к пропасти...
Устал. Всё время ждать перемен
И быть готовым остаться не у дел.
Прощай.

«Умело масками играю...»

Умело масками играю,
Покою трещины улыбкой закрываю.
И больно, стыдно, весело и грустно...
Я медленно сгораю.

Мне хочется бежать туда,
Где мыслей нет, где тишина,
Спокойствие и грёзы...
Где нет тебя.

Там солнце всходит по утрам,
А тьма царит лишь по ночам,
И нет ни холода, ни зноя...
Всё отдам.

Дом

Мы ищем дом от самого рожденья,
И чем старше, тем острее нужда,
Но раз за разом мы находим сожаленья,
Снова, упрямы, меняем города.

Снова кладём фасад, сверкающий снаружи...
Нам так осточертела суета!
Мы прячемся от непомерной стужи
И всё бежим куда-нибудь «туда».

Туда, где музыка играет тихо-тихо,
По коже разнося приятное тепло.
Там в панике не нужно больше искать выход,
И дышится там каждый день легко.

Любовь на полках оседает вместо пыли,
Её высвечивают в воздухе лучи,
Там из-под крана разливают свет в бутылки,
Не брякают швырнутые ключи.

Нет горечи от прошлых расставаний,
Там злобы окрики сошли на нет,
Не слышно вздохов разочарований,
И на все вопросы лишь один ответ.

Но это ведь не графы на билете
И уж точно не особняк в глуши.
Дом – это не место где-то на планете,
Дом – это состояние души.

Ответ

Куда свернуть на следующей развилке?
Как выбрать правильный маршрут?
И как собрать эти ничтожные песчинки
В карту хоть какую-нибудь?

Дорог так много в этой жизни,
Не знаешь, стоит ли рискнуть.
Твоя своим покажется капризом,
Но верным будет только этот путь.

Как разгонять собою тучи?
И как себя не потерять?
Не стать в часах песком сыпучим?
Как снова научиться доверять

И стать большего чего-то частью?
Столько вопросов... у кого просить совет?
Но к сожаленью или к счастью,
У мира для тебя только один ответ.

«Всё закончится когда-нибудь...»

Всё закончится когда-нибудь.
Слышишь? Это случится обязательно!
Ты проснёшься, а над тобою светит солнце,
И дождь проходит мимо по касательной.

В голове будет пусто, а в груди – полно света,
Обиды исчезнут, рассыпятся прахом.
Ты больше не будешь нуждаться в ответах,
В твоём теле больше не будет страха.

И злость растает под лучами счастья,
Оно же переплавит боль в цветы,
Исчезнут шрамы на твоих запястьях,
Тепло глаз будет топить льды.

Так будет, ты не сомневайся.
На этом свете существует страна грёз.
Ты, главное, сейчас не сдайся,
А там не будет больше слёз.

Пусть путь туда далёкий и тяжёлый,
Ты запасись терпением и борись с чумой.
По нему идти придётся соло,
Ведь этот путь – твоя дорога домой.

Дойду

Где ты? Я здесь тебя обыскался,
Заглядывал в окна, в двери стучался,
Изранил ладони, стёр пару сапог
И заблудился, пройдя сотню дорог.

Кто ты? Боюсь в толпе обознаться,
По ненужным людям растеряться,
Пустым и разбитым до тебя дойти
Или и вовсе сбиться с пути.

Что ты? Сотканный из ветра призрак
Или души моей яркая искра?
Как мне тебя узнать?
Каким именем мне тебя звать?

Всё меньше на пути людей,
Но сердце светит тысячью лучей,
И слышно эхо за версту:
«Я скоро до тебя дойду».

За асфальтом

Прямая дорога, без кочек и поворотов,
Никуда не приводит обычно,
До точки сужает сознання широты
И делает мир слишком привычным.

Предсказуемость – удобный маршрут,
Но поверх асфальта цветы не растут.

Все разбиты вдоль дороги фонари,
И Солнце не торопятся включать.
Только едва заметное пламя вдали
Призвано им путь задавать.

Они привыкли к темноте.
Они идут на свет в конце.

Кому-то удаётся увернуться
И под ногами ощутить траву.
Лучи солнца их бережно коснутся,
Постепенно возвращая естеству.

И сколько бы ни было утрат,
Никто из них не побежит назад.

Их мир меняется мгновенно,

Они следуют новым заветам.

В их глазах – бескрайность Вселенной.

В их сердцах полыхают рассветы.

И цель у них проста:

Путь осветить другим, сгорев дотла.

Туше

И как угораздило с тобою пересечься
На совершенно разных жизненных путях?
Когда успел огонь внутри зажечься?
Я упустил момент, запутавшись в страстях.

Я права не имею злиться,
Но чтоб тебя, я зол как тысяча чертей!
Слишком долго твой голос снится,
А ты не стоишь ни единой мысли моей...

Ложь! Наглая ложь! Ты стоишь
Каждого слова и строчки!
Стоишь стихов всего мира
Вместе с запятыми и точками!..

В глазах не будет больше прежних
Безграничных света и тепла.
Я греть старался медленно и нежно,
Но чёрт возьми, в итоге сам сторел дотла.

И что осталось вместе с горсткой пепла? Тишь.
Она все звуки поглотила.
Я проклинать тебя готов, но только лишь
За то, что зацепило...

И каждое слово цепляло, как тонкие пальчики струны,
Натянутые где-то в душе.
Скажи мне, что это бред, что их терзали тайфуны!
Вынужден сдаться. Туше.

Мне надо бы смелее быть и вычеркнуть тебя
Отовсюду, куда рука дотянется,
Безжалостным и беспощадным быть, пока
Сердце и мозг на свои места возвращаются.

Но ты выходить не желаешь из моей головы,
А я не знаю, как тебя достать оттуда.
Наверное, для начала перестать писать тебе стихи.
И не ждать больше чуда.

«Я столько нервов вымотал зазря...»

Я столько нервов вымотал зазря,
На жертвенный алтарь клал душу, сердце, время,
И понял только много лет спустя —
Отчаяние стихами не измерить.

Не влезут в строчки тучи грозовые в горле;
Лесной пожар, разбушевавшийся в груди;
И в голове крутящиеся мысли-свёрла;
И злость, кипящая в крови.

А знакам препинанья не дано дойти
До разума, закрытого на все замки,
До в лужу глубиной души
И сердца, скисшего с тоски...

Я столько времени потратил зря.
Быть может, стоило уйти намного раньше.
С берега другого занялась заря —
Я по воде пройду. Жизнь движется дальше.

Рассказы

Осознание

Однажды изнемождённый ты сядешь ночью за ноутбук, включишь на повтор свой любимый трек и неосознанно при-
мешься копаться в себе и в прошлом, хотя оно того не стоит,
и ты это знаешь. Ты почувствуешь, как внутри, где-то в цен-
тре груди, становится невыносимо горячо, это распростра-
нится по телу, тебя хорошенько тряхнёт, и ты почувствуешь,
возможно, даже увидишь, как внутри тебя что-то ломается.
И слёзы польются по твоим щекам от осознания своей бес-
помощности. Как бы ты ни пытался их сдерживать, напоми-
ная себе о том, что ты должен быть сильным.

Многое из твоего прошлого заставит тебя сожалеть, крас-
неть от стыда. Тебе захочется о многом попросить проще-
ния у некоторых людей, хоть ты и не привык извиняться. На-
пример, за своё поведение в некоторых ситуациях. Но этим
людям не нужны твои извинения и оправдания. Они и так
всё прекрасно понимают. Потому что были на твоём месте
и знают, какого это.

Ты поймёшь, что в этой жизни, которая катится ко всем
чертям, что-то не то. Что-то не так, как тебе хочется. А ес-
ли копнуть глубже? Да всё не так! Не та работа, не твоё ме-

сто, не тот дом, не те люди, не такие отношения. Словно это не твоя жизнь. И ты посмотришь на неё со стороны. И взвонешь диким волком, осознавая, сколько боли ты причинил людям, которые тебя любили, сколько ошибок ты понаделал и сколько ещё сделаешь. А боль из центра груди всё сильнее будет трепать твою истерзанную душу, причиняя и физическую боль. Но это всего лишь проекция. Тебя просто рвёт изнутри.

Тебе захочется немедленно всё изменить. Исправить хоть малую долю. Но уже нечего исправлять. Нечего восстанавливать. Всё уже давно в руинах и в остывшем пепле от тобой же когда-то разведённого костра. Боль будет усиливаться, пытаясь сломать тебя, но ты не сдавайся. Сдерживай слёзы, вопли. Это никому, кроме тебя, не нужно. Тебе придётся с этим жить или же умереть.

Да, в такие моменты в голову лезут странные мысли. Например: «Почему я так мало времени провожу с родителями?» или «Почему я не говорю с отцом?» Обычно, это мысли о правильности и неправильности поступков. И часто они приходят в виде вопросов самому себе. Не бойся. Не зацикливайся на них. Это ещё не конец представления. Дальше будет больнее. Запомни эти мысли. Тебе ещё предстоит найти ответы. Истинные ответы. Внутри себя. Там, где ты уже давным-давно забыл стряхивать пыль с полок. Как бы ни было больно, на вопросы придётся ответить, если ты хочешь идти дальше.

Как только боль начнёт немного успокаиваться, ты погрузишься ещё глубже, вспомнишь всё до мельчайших деталей. Просыплешь соль на давние, но так и не затянувшиеся раны. И тебя накроет новая волна. И так далее. По кругу. Пока ты не поймёшь, что не нужно ничего исправлять. Нужно измениться.

Сделав несколько глубоких вдохов, ты наконец успокоишься. Но в груди остается теплиться огонёк ещё до конца не угасшего пожара, что чуть тебя не спалил дотла. Ты отдышишься, словно бежал несколько километров на предельной скорости, сможешь взвесить всё как следует. Без агонии. Останутся шрамы, но ты их не стыдись и не бойся. Это лишь свидетельство того, что ты справился. Таких шрамов за всю твою жизнь будет ещё много. Не нужно беспокоиться по этому поводу. Это всего лишь жизнь. Возьми себя в руки.

Ты никогда ещё не чувствовал такой безысходности, как этой ночью. Но теперь это тоже всего лишь часть твоего прошлого. Важно только то, какие ты извлёк и усвоил уроки и мысли. И ты ещё долго будешь сидеть вот так. Слушая тот самый трек, что поставил на повтор. На второй-третий раз ты начнёшь подпевать. И поймёшь, что всё не так плохо. Боль в груди станет лишь тлеющей лучинкой, что теперь никогда не погаснет, но и боли больше не причинит. Она будет греть. Ты прослушаешь песню раз десять, каждый раз самозабвенно подпевая и позволяя этому теплу разноситься по телу. Ты почувствуешь приятную усталость. Немудрено,

ведь ты только что выполнил невозможное: прыгнул в бездну без парашюта, выжил и вновь забрался наверх. Только с другой стороны. И, возможно, тебе покажется, что это уже не ты, но нет. Это тот же ты, только сильнее. Ты просидишь так до рассвета, слушая эту песню. Теперь она для тебя станет чем-то особенным. Ты часто будешь её слушать, так же самозабвенно подпевая и вновь испытывая это приятное ощущение тепла. Возможно, на некоторых моментах у тебя навернутся на глазах слёзы, а по коже будут бежать мурашки... Не сдерживайся. Теперь поддайся. Тебе это понравится. Словно летать над той самой бездной, которая тебе больше не покажется страшной, и чувствовать, что ты её победил.

Первые лучи солнца коснутся тебя, и это будет самым прекрасным утром за всю твою сейчас прожитую жизнь. Поверь, мой друг, оно будет не одно. И в этот прекрасный момент к тебе придёт осознание того, что нужно просто жить дальше. По-новому.

Когда в окно залетают снежинки

В комнате было невыносимо душно из-за тебя. Я сидел за столом и вносил последние правки в очередной сценарий, ногой отбивая ритм ударных из динамиков ноутбука, что стоял нетронутым на соседнем столе с самого обеда. Ты сидел на диване позади меня, читая редкий выпуск комиксов. Иногда мне кажется, что ты приходишь ко мне только для того, чтобы почитать. Хотя это не удивительно, учитывая размеры моей библиотеки.

За окном уже темно, и я вижу своё отражение в нём, но, присмотревшись, замечаю переливы снежинок от падающего света лампочек надо мной. Ты разваливаешься на диване в более удобную для тебя позу. Я вижу тебя. Моё дыхание сбивается. Слишком тихо. Слишком жарко. И стол, как назло, стоит у самой батареи. Надо будет сделать перестановку. Дотянувшись до оконной ручки, я открываю окно на верхнее проветривание и с превеликим наслаждением вдыхаю свежий воздух. Хочется развеяться. Подхожу к ноутбуку, включаю более ритмичную музыку и... начинаю играть на воображаемой гитаре.

Ты моментально переводишь свой взгляд на меня и смотришь с удивлением. Я улыбаюсь тебе. Ты снова возвращаешься к комиксу, но твоя сосредоточенность трещит по швам – сначала ты просто дрыгаешь ногой, а потом неза-

метно для себя начинаешь подпевать. Мои руки в это время отыгрывают бешеное гитарное соло. По коже пробегаются мурашки. Губы беззвучно повторяют слова песни. И на особо фееричном моменте я не сдерживаюсь – мои ноги подгибаются, я опускаюсь на колени и продолжаю дикое соло, зажмурившись.

Ты, забыв про комикс, встаёшь рядом со мной и играешь на ударных, поразительно точно попадая. По ногам тянется лёгкий сквозняк, меня немного перетряхивает от такого резкого перепада температур. Следующая песня, и мы опять в экстазе. У тебя закрыты глаза, но я готов поспорить, что твои зрачки даже при ярком свете будут так же расширены, как и мои.

И вот мы уже не замечаем, как начинаем вслух подпевать на особенно крутых моментах. Стены отражают наши голоса, так идеально сливающиеся воедино. Голова немного кружится. Кажется, я потеряю сознание от недостатка кислорода – до того перехватывает дыхание. Энергия словно окутывает нас, очищая от ненужного хлама, что мы с тобой успели скопить за многие месяцы напряжённой работы. Это невероятные ощущения, словно тебя уносит куда-то далеко-далеко, где нет ничего, кроме тебя, человека рядом и музыки. Ты продолжаешь выдерживать бешеный ритм ударных, мои пальцы снова лихорадочно скользят по воображаемым ладам, играя умопомрачительное соло так, что на лбу выступают капельки пота, хотя в комнате довольно прохладно.

Я не знаю, сколько нас таращило, но мы оба были удовлетворены, расслаблены и довольны. Ты плюхнулся на диван, приводя в порядок дыхание, не в состоянии пошевелить руками, я приземлился на стул, повернувшись к тебе полу боком. Впервые за долгое время я чувствую себя счастливым. Наверное, ты тоже об этом думал. Откинувшись на спинку стула, я замечаю, что в приоткрытое окно залетают снежинки, которые тают, не долетая до стола. От чего-то мне это показалось завораживающим, красивым. Ты, проследив за моим взглядом, теперь тоже наблюдаешь за этим маленьким, привычным чудом. Когда в окно залетают снежинки, я ловлю себя на мысли, что мне уже не холодно. Внутри.

Самоубийца

Я был обычным подростком, ничем не выделяющимся из остальных, но всё же остальные выделяли меня по каким-то своим, только им понятным, критериям. Я так же, как и все, ходил в школу, делал уроки, слушал музыку... играл на гитаре, пытался завести друзей... Со временем мне это просто надоело. Я стал отстраняться от общества, что по непонятным мне причинам не хотело меня принимать. Нет, я не попал в плохую компанию. Моей компанией всегда была только музыка. Я смотрел на глупых девушек, ноющих о несчастной любви и режущих вены в школьном туалете, и смеялся. Неужели им настолько было мало внимания?..

*Маленькая девочка со взглядом волчицы,
Я тоже когда-то был самоубийцей.*

В шестнадцать лет я впервые попробовал лёгкие наркотики. Честно, понятия не имею, знали родители или нет. Впрочем, сейчас это уже не имеет никакого значения. Я лежал на подоконнике в своей комнате на чердаке и курил в приоткрытое окно косяк марихуаны, не заботясь абсолютно ни о чём. Мне было просто плевать. Если всем на меня плевать, то почему мне не должно?.. Я чувствовал свободу от всего человеческого, но это не приносило мне удовольствия. На-

оборот. Моя свобода стала моей клеткой. Со временем я перестал интересоваться учёбой. Под глазами появились тёмные круги. Наступила полная апатия. Я бы не сказал, что мне было плохо. Мне было просто всё равно.

*Моя смерть разрубит цепи сна,
Когда мы будем вместе!*

Я не влюбился, хотя любил однажды. В тринадцать лет. Это был ангел. Мне так казалось. Жаль, что всего лишь казалось. Тогда я окончательно разочаровался в людях, но всё же пытался хотя бы не так сильно выделяться. Дети порой бывают слишком жестоки. И, к сожалению, я это понимал, а они нет. Я не был пессимистом, не отставал в физическом развитии, обгонял в умственном, но не был зубрилой. Как же я любил... И как же я обжёгся.

*Где-то между Лондоном и Токио,
Где-то между небом и землёй
То, что начиналось так возвышенно-красиво,
Обернулось бедой.*

В мою голову стали часто закрадываться мрачные мысли. Возможно, всё началось ещё тогда, когда мне оборвали крылья, вернув на землю, и наркотики лишь усугубили, а может, всё началось с наркотиков. А может, всё началось ещё то-

гда, когда я был совсем ребёнком. Не знаю. Скажем так, всю свою короткую жизнь я был бомбой замедленного действия, направленной на самоуничтожение.

Земные дороги ведут не в Рим.

Поверь мне, и скажи всем им —

Дороги, все до одной, приводят сюда:

В дом вечного сна, в дом вечного сна,

В мой дом вечного сна – крематорий.

Я всё больше задумывался о том, что ждёт нас в конце жизни и есть ли в ней смысл. Как вы понимаете, в своей я смысла не видел. Возможно, его и не было, может, я просто плохо искал. Да это, в принципе, не важно. Я смотрел на людей, которые окружали меня, и испытывал отвращение. Слишком грязно. Забыты чувства. Человек в людях давно был загублен, и я медленно травил его в самом себе, хотя на самом деле даже в последние секунды я думал, что принесу слишком много хлопот и, наверное, сделаю кому-то больно. Во всяком случае, мне хотелось думать, что я был кому-нибудь дорог. Если смысл человеческой жизни в том, чтобы быть кому-то дорогим и нужным, то почему я так хреново себя чувствовал? Или я не был нужным? Если так, то тогда я всё правильно сделал. Хотя нет. Я просто эгоист.

Он съел живьем крысу, он выпил кровь кобры,

*Спалил дотла ведьму, собрал ее пепел,
Посыпал им тело.
Народ кричал «Харе!», пока хватало пошла.
Но, осушив море, никто не смог утром
Вспомнить его имя.*

Я думаю, что о семнадцатилетнем парне не будут вспоминать слишком часто. Но в душе всё же теплится маленькая надежда на спасение и память. Однако... Скоро это уже станет не важным.

Сегодня родителей не было дома. Я зашёл в ванную, захватив с собой телефон и зажигалку. Запер дверь изнутри. Не стал включать воду. Они всё равно не успеют, ибо вернутся только утром. На улице льёт дождь.

*Плач природы, смех сатаны,
А все оттого, что мы
Любили ловить ветра и разбрасывать камни.*

Я достал последний косяк марихуаны, включил одну из своих любимых песен, не забыв поставить её на повтор, взял новое лезвие бритвы и забрался в ванну в одежде. Сделав первый затяг, я полоснул по левому запястью. Брызнула тёмно-красная кровь. Прости, мам, я немного испачкал кафель стен, но капель не будет видно. У нас кафель же не белый. Я опустил руку на дно ванны, откинулся назад, слег-

ка запрокинув голову, и сделал ещё один затыг, вслушиваясь в аккорды. Это последнее, что я слышу в своей жизни. И, чёрт возьми, я не жалею об этом.

*Маленькая девочка со взглядом волчицы,
Я тоже когда-то был самоубийцей.
Я тоже лежал в окровавленной ванне
И молча вкушал дым марихуаны.
Я тоже когда-то был самоубийцей...*

Звёзды

Лето. Жаркое лето со своими короткими и светлыми ночами. Тёмное небо. Сегодня звёзды на нём выделяются особенно ярко и не понятно почему. Крыша. Отсюда открывается прекрасный вид. Не так давно село солнце, и там, вдалеке, за верхушками деревьев ещё виднелись алые полосы, а по другую сторону яркие огни железной дороги освещали всё вокруг. Время за полночь.

Пройдя через балкон, на крышу выбирается человек, заматавшийся в большой тёплый плед. Материя мягкими объятиями окутывает тело и хлопает по лодыжкам при ходьбе. Он скидывает голову и зачарованно смотрит на эти яркие звёзды. Плевочки, как сказал бы Маяковский. В тёмных глазах отражаются сияющие точки. Удивительные созвездия. Медведица, Пёс, Кассиопея...

Человек садится на холодный металл, которым выстлана крыша, подобрав под себя ноги. На улице становится заметно прохладно. Он заворожённо следит за перемещающейся точкой на ночном небе. Фантазирует об инопланетянах, далёких галактиках и сверхскоростных звездолётах, зная, что это всего лишь спутник. Пролетает самолёт, и это действительно похоже на НЛО. Мысли медленно соскальзывают с фантастики, перемещаясь в философию, и обратно.

Вселенная бесконечна. В такие моменты чувствуешь се-

бя песчинкой. Ничтожно одинокой песчинкой. Шея затекла, и он ложится, закутавшись в плед получше. Небо зачаровывающими переливами предстаёт во всём своём великолепии. Тёмное, почти чёрное, кое-где с тончайшей плёнкой белёсых облаков. Ни одна великая кисть не сможет передать подобное, настолько эти переходы от тёмного к светлому кажутся лёгкими, едва уловимыми. А звёзды продолжают свои танцы созвездий, сверкая всё ярче. Из-за высокой крыши дома справа выплывает луна, щедро бросая на человека дорожку призрачного света.

Где-то на задворках сознания играет до боли приятная музыка и только для него. Никто больше не услышит эту мелодию. На лице появляется умиротворённая улыбка, но глаза наливаются грустью. Чего-то не хватает. Холодно, однако это не достойно внимания. Хочется поделиться своими эмоциями, рассказать о своих мыслях. Ему не хватает человека. Такая маленькая, абсолютно несущественная деталь. Но с этой деталью, в какие бы световые дебри не уносили мысли, никогда не почувствуешь себя одиноким.

Уже занимается рассвет. Небо светлеет, постепенно скрывая эти яркие плевочки. Он поднимается на ноги и возвращается домой той же дорогой. Вовсе не потому, что ему не нравится смотреть на рассвет, наблюдать за ярким, только просыпающимся, огнём звёздного шара. Просто не хочет чувствовать себя ничтожно одинокой песчинкой в этом новом дне.

Цветы

Они снова и снова приносили мне цветы. Как дань человеку, с которым когда-то было приятно провести время. Кем я был для них? Сиротой? Богатынским мальчиком? Наглецом, другом, просто знакомым на один щедрый вечер? Обидно терять всё за какие-то доли секунды. Ослепительный свет фар, а потом только боль, боль, боль и ничего, кроме неё. Это продолжалось бесконечно долго. Мне казалось, я прошёл все круги Ада, но это было не так. И пустота. Никаких ощущений в теле.

Белые цвета треклятой палаты. Я видел только потолок, но боковым зрением улавливал что-то цветное, яркое, красивое. И приятный запах заполнял собой всё вокруг, кружил голову и забивался в ноздри, пока не начинало тошнить. Правда, палату всегда проветривали, так что запах не надо-едал. снова и снова. Я думал, что утону в этом сухом море, в его цветастых волнах. Я не видел лиц приходивших ко мне. Но одни и те же люди всегда приносили одни и те же цветы. Бардовые розы заходили чаще всего. Их сменяли жёлтые гладиолусы, белые пионы, розовые орхидеи... Они что-то говорили, но я слабо помню, что именно. Зато я помню свои мысли. И это всё, что мне осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.